

НОРМА — ЭТО ЛУЧШЕЕ, А НЕ СРЕДНЕЕ

Размышления по поводу позитивной девиантологии

А. ОСТАПЕНКО

Лет пятнадцать назад (если не больше) на одних из первых епархиальных образовательных чтениях тогдашний главный психиатр нашего региона сказал, что «количество психически больных в нашем регионе за последние 10 лет увеличилось более чем в 10 раз, но... этого почти никто не заметил, ибо за это время было изменено понятие психической нормы. И то, что ещё совсем недавно считалось отклонением и требовало лечения, было объявлено либо пограничным состоянием, либо личностной акцентуацией, либо особым и допустимым видом нормы». После сказанного в зале кто-то шёпотом, но достаточно громко сыронизировал: «Психи среди нас». Если вспомнить, что с тех пор появились «либеральные» законы, запрещающие принудительно лечить психов и алкоголиков, то эта ироничная реплика, увы, во многом справедлива. За четверть века ползучего онормализования кого только ни объявляли нормальными, но «особенными», или такими же, как все! А на фоне пресловутой политкорректности и борьбы за права

«особенных» детям стало невозможно показывать старый добрый советский мультфильм про голубого щенка с его весёлым рефреном: «Голубой, голубой, не хотим дружить с тобой!»

В «старой доброй христианской» (когда-то!) Европе процесс онормализования пошёл значительно дальше. Пала православная (когда-то!) Греция, объявив законной нормой однополые браки. В Северной Европе на полном серьёзе рассматривают законопроект об объявлении нормой половых отношений между родителями и детьми. Дескать, это такая давняя скандинавская традиция. И у всей этой мерзости находится якобы научное обоснование, выстроенное на релятивизме, в первую очередь нравственном. Всякая норма объявляется относительной и изменчивой, а несогласных с этим называют ретроgrадами и догматиками. Советская трактовка слова «догматик», подразумевавшая твердолобость или отсутствие гибкости, — это детский лепет в сравнении с оценками нынешними либероидами людей, отстаивающих абсолютные (они же традиционные) ценности.

Относительность почти торжествует победу. Между чернотой зла и белизной добра она пропихнула зазор серости, смешав одно с другим, и довольно успешно расширяет его, отвоёвывая себе пространство. Вместо абсолюта истины процветает плюрализм мнений. Отклонения от нравственных норм теперь, оказывается, могут быть не только отрицательными, но и положительными. Даже околонучные книжки о положительных девиациях пишут, утверждая, что «мы исходим из принципа полипарадигмальности в любой науке и принципиальной невозможности «установить» (познать) единственно верную Истину»¹. Такая вот теперь девиантология! Нарушители норм теперь бывают и плохие, и хорошие.

Представьте себе инспектора ДПС, который остановил водителя и выписал ему... премию за нарушение правил в лучшую сторону. Улыбаетесь? На сферу дорожного движения, к счастью, релятивизм не распространился, а вот в сферу нравственности проник. Найти человека (в т.ч. и среди педагогов), убеждённого в том, что между добром и злом не может быть полосы серой относительности, непросто. Убеждался в этом неоднократно.

Торжество нравственного релятивизма, видимо, имеет религиозно-богословские корни. Православная антропология утверждает, что до грехопадения Адам был в естественном (безгреховном) состоянии, а после него погрузился в противоестественное (греховное). Западное богословие утверждает, что Адам перешёл из сверхъестественного состояния в естественное: «Римо-католики учат, что состояние первых людей было сверхъестественным, что с падением человека он лишился лишь благодати, как узды, что природа человека осталась неповреждённой»². Мы, православные, призываем, понуждаем, уговариваем человека вернуться в естественное состояние святости, а римо-католики считают, что человек уже находится в естественном состоянии и было бы, конечно, неплохо, чтобы он перешёл в

сверхъестественное, но и естественным вполне можно довольствоваться. Разницу чувствуете? В православии стремление к святости — это возвращение к норме, а у католиков — положительная девиация. Для нас норма — это лучшее, для них норма — это среднее. Для нас норма абсолютна и неизменна, для них — относительна и изменчива. И это понимание за 25 лет они нам почти навязали. Мы же стремились стать частью единого от Лиссабона до Владивостока Запада. Вот и согласились с этой экзотической трактовкой понятия «норма», усреднив её до абсурда.

Сегодня становится понятным, что мы поспешили перекроить свою систему мировоззренческих ценностей. Пришло время возвращаться домой. Благо ещё есть куда. Стало вдруг понятно, что «плавающая» норма может привести лишь к «естественному» узаконенному содомизму (греки-то, того...), законной наркотизации, пролицензированной проституции и детскому разврату. А всё начиналось с объявления греха естественной нормой и введения понятия «позитивная девиантность». Общество, в котором болезнь или разврат объявляются особой разновидностью нормы, неизбежно деградирует. Оно теряет стыд как нравственный регулятор. И благо, если у людей хватает сил, ума и нравственного чутья вернуться домой после, слава богу, неудачной попытки путешествия в «земной рай» комфортного блуда. Пора вспомнить и прислушаться к словам упоминаемого мной в начале очерка знаменитого психиатра, кстати лишившегося своей высокой должности из-за своей непреклонной позиции в понимании нормы.

И пора бы, наконец, усвоить, что святость — это естественная единственно возможная норма человеческого бытия, несмотря на то, что эта норма стала экзотической и редко встречающейся. Нельзя врачу болезнь объявлять нормой, даже если вокруг нет здоровых людей. Иначе пойдём вслед за нынешними греками... Вас туда ещё тянет?

¹ См., например: Творчество как позитивная девиантность / Под ред. Я.И. Гилинского, Н.А. Исаева. СПб: Алеф-Пресс, 2015. С. 6.

² *Зноско-Боровский Митрофан*, прот. Православие, римо-католичество, протестантизм, сектантство. Сравнительное богословие. М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1998.